

Русская литература

№ 3 Историко-литературный журнал 1991

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
И. В. Кондаков. Контрапункт: две линии в развитии русской культуры (славянофилы и революционные демократы)	3
А. М. Буланов. Логика сердца в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»	25
Д. С. Лихачев. «Принцип дополнительности» в изучении литературы	36

ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Л. И. Шестов. Статьи о русской литературе (вступительная статья и примечания В. А. Туниманова)	38
В. В. Розанов	47
О «перерождении убеждений» у Достоевского	51

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

К. А. Богданов. Заговор и молитва (к уяснению вопроса)	65
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Из истории знакомства с Петrarкой в России	68
Е. О. Ларионова. К истории стихотворения В. А. Жуковского «Императору Александру» (письма А. И. Тургенева В. А. Жуковскому)	75
Н. Н. Петрунина. Из наблюдений над «Лицейской тетрадью» Пушкина	82
В. Е. Ветлювская. Чем пахнут сребреники Иуды?	90
А. Е. Новиков. Повесть Н. В. Гоголя «Коляска» в контексте литературной полемики середины 30-х годов XIX века	92
В. Г. Березина. Белинский дополняет афоризм Вольтера (к проблеме современности литературных жанров)	101

«ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ» В ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Настоящая моя заметка — продолжение моих статей в журнале «Русская литература», в которых я пытаюсь нащупать общие закономерности и антизакономерности в изучении литературы и, главным образом, в истории литературы.¹ Намечаемые мною пункты ждут своего развития или опровержения; с этим связано тезисное их изложение.

Прежде всего в данной заметке я бы хотел обратить внимание на то, что литературное произведение, литературное течение, направление, стиль и пр. значительнейшим образом изменяются от того, с какой точки зрения, с какой научной методологией к ним подходят. Литература, рассматриваемая ученым-марксистом с позиций классовой борьбы, — совсем не та литература, которая существует независимо от ее читателя, и совсем не та, на которую рассчитывали, создавая свои произведения, писатели. То же самое можно сказать о тех случаях, когда к литературе подходит «формалист», представитель сравнительного литературоведения, культуролог (имеющий «свою» определенную концепцию развития культуры) и т. д. Аналогичное происходит с поэтическим произведением, изучаемым стиховедом, или с простым текстом под микроскопом текстолога.

Одним словом, ученый-литературовед — главный «разрушитель» литературы. Это отчасти объясняет, почему литература не оказывает никакого нравственного, воспитательного воздействия на литературоведов и почему среди литературоведов так много эстетически невосприимчивых читателей (если, конечно, литературоведа можно назвать «читателем»). Это не «выпад» против литературоведов — это объективное наблюдение, исходящее из положений совсем другой науки — квантовой теории в физике. Картина мира в значительной мере зависит от введения в нее наблюдателя. Нильс Бор постоянно подчеркивал, что могут существовать две явно противоречащие друг другу физические картины мира, которые в равной степени верны: допустим, «корпускулярная», в которой реальность выступает в виде частиц, и «волновая», в которой та же самая реальность определяется как волны. Обе картины мира являются, по Бору, «дополнительными». Нечто подобное было открыто в лингвистике. Формальная структура высказывания может быть различной в зависимости от того, с какой точки зрения мы к ней подходим. Грамматический анализ речи может находиться в резком различии с просодической ее характеристикой, например интонацией. Мир двоится и в том, что мы определяем как знак и как смысл.

Говоря о литературоведческих картинах литературы с точки зрения теории наблюдения, мы должны отметить, что наиболее «разрушительными» для литературы являются те, в которых наиболее сказываются тенденции научного «редукционизма», т. е. попыток сведения сложного к простому, элементарному. В этом отношении редукционизм марксизма в литературоведении превосходит все остальные подходы. Окрестив попытки объяснения всей литературы лишь борьбой классовых интересов вульгарным марксизмом или вульгарным социологизмом, мы ничего не достигли, ибо «чистота метода» в этом «вульгарном» виде марксизма все же выявляется наиболее последовательно.

В гораздо меньшей мере, но тоже редукционистское упрощение литературы существует и в концепциях смен стилей, особенно в той части их, где создатели этих концепций, иногда верно, пытаются усмотреть известную последовательность (Д. Чижевский, Д. Лихачев). Однако сколь бы ни были верны концепции стилей и их смен в литературе, редукционизму, им присущему, следует противопоставить «свободу воли электрона» — свободу воли творца, осуществляемую через его талант и гениальность (условное различие таланта и гениальности в данном случае, по моему мнению, в большей свободе последней).

Принцип дополнительности в гуманитарных науках выражен наиболее сильно. Можно видеть его в самых различных проявлениях, например в объяснениях одного и того же явления биографическими условиями, историческим окружением, состоянием «литературной дискуссии» между различными авторами (ср. концепцию Л. М. Лотман²) и пр. и пр., но самый главный принцип дополнительности в области литературы, как кажется, заключается в дополнительности закономерности, обусловленности, с одной стороны, и свободы творца — с другой, свободы как некоей необъяснимости. Ибо как только мы начинаем объяснять, наблюдатель-литературовед неизбежно вторгается в литературу и упрощает ее согласно своим научным установкам. Произведение неотделимо от читателя.

Сказанное мной в этой заметке не означает, что надо немедленно прекратить научные исследования литературы. Напротив, я всячески за их расширение, но за существование разных подходов, особенно важное в педагогической практике, чтобы не упрощать и не «ускучивать» литературные произведения для читателей. Одним словом, рядом с естественным для науки выявлением однородных явлений и расчленением на них литературы, литературного процесса необходим и «дополнительный» процесс восстановления целостности изучаемых явлений. Единое, целостное представление о литературе — ее истории, отдельных авторах и отдельных произведениях — наряду с аналитическим и редукционистским так же естественно, как различение функций двух половин головного мозга человека.

Изучение воздействия на понимание литературного произведения (прозаического или поэтического) исследовательских концепций, а также отдельных предвзятых представлений о творчестве того или иного автора³ должно составлять важную сторону литературоведения. Я говорю «сторону», так как способы и результаты такого рода изучения необъятны и не могут быть точно определены. Особенно необходимо такого рода изучение для педагогической практики. «Дополнительный элемент» может давать как отрицательный, снижающий (редукционный) эффект, вести к упрощению произведений и творчества того или иного писателя в целом, так и положительный, способствующий обогащению нашего понимания того и другого.

Встает вопрос: не является ли падение интереса школьников к классической литературе, особенно к той, что «проходится» в школе, результатом редукционности, свойственной сейчас преподаванию литературы в школе?

¹ Лихачев Д. С. 1) Строеие литературы (к постановке вопроса) // Русская литература. 1986. № 3. С. 27—29; 2) Закономерности и антизакономерности в литературе // Там же. 1990. № 1. С. 3—5.

² Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974. См. также мою рецензию на книгу Л. М. Лотман: Лихачев Д. С. Литература как общественное поведение // Вопросы литературы. 1974. № 10. С. 248—254. Пользуюсь случаем отметить, что явление «разговора» писателей между собой путем литературных произведений касается только того периода в новой литературе, когда появляется ощущение «современности» произведений, есть периодическая печать и «литературная мода». В древней русской литературе в основном совершенно неважно, появилось ли произведение только что или написано несколько веков назад. Поэтому процесс развития литературы в Древней Руси имеет иной характер.

³ Например Достоевского, Горького, нередко Тургенева и пр.